

ПРОШУ СЛОВА!

ЮБИЛЕЙ

вполне вероятным возвращением в дело через некоторое время при очередной смене поколения оборудования.

В своем выступлении президент Академии наук В.Е. Фортов заострил внимание на необходимости строгого разграничения функций Академии наук и ФАНО: за Академией — вся наука, за ФАНО — только имущество. По моему мнению, в таком варианте сам дух реформы существенно меняется. Ничего не остается от французской модели организации науки, которая воспитала 16 нобелевских лауреатов и много лет возглавляется только учёными. Если во главе ФАНО стоит человек даже очень высоких организационных и человеческих качеств, но не учёный, то во взаимодействии с Академией он будет слеп и глух. Хотелось бы мне знать, как можно финансировать науку, не пытаясь контролировать результат. Котюков обречён на эту деятельность, и постоянные трения между Академией наук и ФАНО будут неизбежны. Ситуацию могли бы исправить первый заместитель и ещё один заместитель — полноценные члены Академии. Если будут одни чиновники, то значительных недоразумений не избежать.

Такой казус как «карта российской науки» вызвал внутреннюю революцию в Институте теплофизики СО РАН. Мы оказались ведущими по теплотехнике и философии, хотя отношения к философии наш институт никакого не имеет, кроме пары дилетантских статей. Это и смешно и грустно. Сам президент Академии наук как директор Института высоких температур оказался специалистом в области гинекологии. Фамилию чиновника, который сделал заказ на 90 млн рублей и послал в Академию результаты, следовало бы прославить на всю страну, указав его фамилию, имя, должность и департамент.

Владимир Евгеньевич гневно говорил о бюрократическом урагане, который требует бессмысленных отчётов с бесконечным повторением и дублированием пунктов, отрывающий недели работы. Такие бумаги может плодить человек, который не в состоянии оценить ни одной фразы содержания статьи, написанной на выделенные средства. К аналогичной беде академической науки я бы добавил тендеры на покупку оборудования и материалов. Тендеры выигрывает специальная фирма, торгующая впоследствии своим результатом, либо фирма, поставляющая абсолютно низкопробную продукцию по демпинговым ценам.

Таким же нелепым мне кажется желание Министерства образования и науки всё объединить. Не всегда количество переходит в качество. Я не понимаю, почему Московский институт химического машиностроения должен лучше работать при объединении с Московским государственным университетом инженерной экологии. Или знаменитая «Холодилька» (Ленинградский институт холодильной промышленности) в объединении с Санкт-Петербургским национальным исследовательским университетом информационных технологий, механики и оптики (бывший ЛИТМО). Здесь уже говорилось, что кадры решают всё, но простое объединение разнопрофильных институтов проблемы не решит, а свой бренд институты уже потеряли.

В выступлении академика Е.М. Примакова — патриарха Академии наук и крупного государственного деятеля — я абсолютно поддерживаю мысль, что, проводя мониторинг на основе индекса цитирования и других показателей типа индекса Хирша, необходимо учитывать уже сложившийся авторитет того или иного учёного, его имя. Имя учёного в науке может значить значительно больше, чем индекс цитирования. Можно иметь одну, две, три основополагающих статьи с высказанными там идеями, и тогда достаточно ссылки на фамилию. Личный отзыв любого из учёных со сверхименем во всем мире даёт больше, чем любая премия, или публикация, или рейтинг. Таких учёных в России достаточно количество, но, к сожалению, к их мнению Министерство образования и науки прислушивается слабо. Принятое, например, кем-то решение не пускать по академическим пропускам в министерство академиков и членов-корреспондентов вызвало у меня изумление. Про это мне рассказал всемирно известный учёный академик Р.И. Нигмагулин. Необходимо восстановить и сохранить уважение к членам Академии во всех органах управления наукой.

Важное предложение сделано академиком А.В. Адриановым. Оно сводится к необходимости выделения лидеров в науке и лидирующих организаций. Оно полностью коррелирует с выступлением Евгения Максимовича Примакова.

При этом очень важно определить критерии выделения. Я бы предложил вкратце ввести такие показатели: количество членов академии, количество лауреатов премий уровня Нобелевской, например, лауреатов премии «Глобальная энергия», премий Правительства и Президента, доля внебюджетного финансирования по грантам и другим источникам, доля хозяйственных, отсутствие злоупотреблений в использовании имущества, направленность на инновационную деятельность, количество докторов наук, количество учёных советов по защите, число издаваемых журналов, количество молодых учёных, участие в международных конференциях, наличие кафедр в вузах, средние наукометрические показатели, как иностранные, так и на основе российских вновь разрабатываемых индексов типа индекса Хирша и т.д. Только такая многосторонняя чётко определенная система критериев для разных групп наук: математики и теоретической физики, экспериментальной физики, мегасаенс, отделив для химических направлений и т.д., — может воплотить в жизнь эту идею.

Физику-теоретика написание статьи необходимо два-три месяца с учётом возможной её модификации и участия в конференции. Физик-экспериментатор моего уровня должен собрать коллектив для выполнения конкретного проекта, должен выбрать тематику, обеспечить средства, создать «дорожную карту» на много лет вперёд и контролировать деятельность группы, которая обычно не больше 20 человек, постоянно вести семинары и заниматься переподготовкой молодёжи. Только такой слаженный, работающий как одно целое коллектив, основанный не на стационарных лабораториях, а на вновь привлекаемых в случае необходимости людях по контракту, может обеспечить лидерство отдельным научным группам и институтам. Естественно, что публикации могут появиться только через значительное время, а цитируемость начинается через два-три года после начала работы.

Член-корреспондент РАН А.И. Рудской в своем выступлении привел высказывание тридцатилетней давности знаменитого гелиминтолога Скрыбина: «Если институт состоит из стариков — это трагедия, а если только из молодёжи — то это комедия». Понятие научной школы существует не только в России, но и во всем мире. Непрерывная цепочка от основателя школы до его преемника в наши дни и последующей возрастной цепочки характерна для всех стран мира. Школы Винера, Ферми в США, школы супругов Кюри во всей Европе, школа Резерфорда в Англии или Бора в Дании — это примеры ведущих школ. Вся российская наука основана на школах: Иоффе, Колмогорова, Ляпунова (старшего), Капицы, Басова и Прохорова, Энгельгардта и множества других.

С моей точки зрения, нынешнее понятие о школе — измельчало. Выделяемые гранты по школам — мизерны, а победителями конкурса часто становятся доктора наук, подготовившие всего одного-двух докторов. Количество так называемых школ должно быть резко сокращено, а для определения руководителя школы также должны быть выделены критерии его научной активности за всю жизнь, а также учтены такие факторы как количество подготовленных кандидатов и докторов наук, цитируемость, востребованность, в конце концов, авторитет в науке. Особенно важна активность в текущий период, подготовка молодёжи и публикационная неформальная активность.

Проблема привлечения творчески одарённых молодых специалистов опять-таки может быть решена только при помощи в обеспечении жильём.

Я абсолютно согласен с предложением чл.-корр. РАН М.В. Ковальчука о необходимости выделения референтных групп при оценке деятельности учёного по количеству статей, цитируемости и востребованности.

Хотел бы только добавить, что если в мегапроекте участвует десятки людей, то нужно каждому автору засчитывать всю публикацию как единоличную, так как объём выпол-

няемой им работы очень велик, но публикация только его доли в отдельной статье будет бессмысленна.

Если подсчитывается индекс Хирша по доле каждого из авторов статьи, отнюдь не удивительно, что их личный индекс Хирша будет невысоким.

Ко второй части выступления М.В. Ковальчука — о создании РИНЦ и других показателей — я присоединяюсь на сто процентов. Но здесь хотел бы сказать и о необходимости повышения импакт-факторов российских журналов и увеличения их тиражей.

Хочу добавить важный вопрос для российской науки — вопрос об издании иностранной литературы на русском языке. К сожалению, английский не вошёл в обиход в России, и ждать, когда это произойдёт, мы не можем. Это смешно, но в начале моей научной карьеры я был лучше обеспечен зарубежной литературой, чем сейчас. Вплоть до 1985 года я в книжном магазине мог купить перевод зарубежной научной классики. Сейчас я с огорчением слежу за судьбой научной литературы. Взять переводную книгу на русском языке самых авторитетных учёных просто негде, кроме старых изданий.

Издательство «Наука» избавило себя от труда выпускать научную литературу, даже классику. Исчезло издательство «Мир», которое организовывало за государственный счёт перевод и продажу всей научно-технической литературы с момента продажи книги за рубежом. Первый российский реферативный журнал был образцом для США. А сейчас — ликвидация Книжного фонда России. Это трагедия. Нужна именно печатная книга, в которой учёный мог бы делать пометки, загибать углы, писать на полях и т.д.

Интернет как источник книг с переводом на русский язык также восполнит голод. Ведь имеется возможность печатания этой книги у нас. Я убеждён, что без возрождения печатания мировой литературы на русском языке невозможна конкуренция между нами и учёными дальнего зарубежья.

Приведу интересный пример. В Институте теплофизики СО РАН по мегагранту работает профессор Кавадзоэ. Ведущий учёный с мировым именем в области нанотехнологий издал прекрасную книгу на японском и не хочет переводить её на английский, обеспокоивая тем самым превосходство японских исследователей на мировом рынке фундаментальной науки. Сам он публикуется на английском языке, но важные, более глубокие особенности он привёл только в своей книге, и теперь приходится переводить её с японского.

В выступлениях министра образования и науки Д.В. Ливанова и руководителя ФАНО М.М. Котюкова в целом выразилось главное — желание сотрудничать с наукой и Академией по всем вопросам.

Академик Е.П. Велихов в своём выступлении призвал к восстановлению авторитета инженеров и инженерной специальности. Являясь выпускником ТПУ, я всегда гордился своим званием инженера. Введённые сейчас бакалавры, магистры и специалисты до сих пор не воспринимаются серьёзно. Простое восстановление звания инженера продолжит традицию знаменитых инженерных вузов страны, усилит престиж выпускников этих вузов на российском предприятии.

Тот же знаменитый MIT сохранил название технологического университета. Во Франции сохранили свое название четыре высших инженерных школы — Школа инженеров управления промышленными системами (Ecole d'Ingenieurs en Genie des Systemes Industriels — EIGSI), Школа инженеров управления предприятиями электроники и электротехники (Ecole superieure d'ingenieurs en genie électrique — ESIGEEC), Высшая инженерная школа (Hautes Etudes d'Ingenieur — HEI) и Высшая женская политехническая школа (Ecole Polytechnique Feminine — EPF) — вместе создали Ассоциацию инженерных школ Франции (IngeFrance).

Никакая болонская система не делала обязательным ликвидацию звания инженера. Также никто не диктовал необходимости объединения вузов. Небольшие университеты, в том числе инженерные, обеспечивают потребности в технических кадрах. То, что один из следующих Президентских советов будет посвящён этому вопросу, для меня радостное событие.

Фото В. Новикова

Поздравляем с юбилеем!

19 января исполнилось
75 лет цитогенетику
мирового уровня
Инне Никитичне Голубовской.

И.Н. Голубовская относится к той замечательной плеяде энтузиастов-биологов начала 60-х годов, которые приехали в Академгородок, чтобы посвятить себя служению науке в первом институте, созданном после разгромной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Этот энтузиазм сохраняется у Инны Никитичны и по сей день. Стремление к научному поиску у неё сопряжено с готовностью к творческому сотрудничеству. Среди соавторов её многочисленных работ есть сотрудники Института цитологии и генетики (В.В. Хвостова, научный руководитель её первых исследований, и Н.Б. Христолюбова), сотрудники отдела кукурузы Краснодарского НИИСХ (А.С. Машенков), сотрудники Института растениеводства им. Н.И. Вавилова (З.К. Гребеникова, Н.А. Авалкина) и Ботанического института им. В.Л. Комарова (Т.Б. Батыгина).

Инна Никитична с большим энтузиазмом взялась в 1973 году за изучение генетического контроля мейоза, важнейшего процесса, лежащего в основе полового размножения не только у растений, но и у животных и человека, и уже с 1975 года её статьи, посвященные этой проблеме, стали выходить в отечественном журнале «Генетика». На 14-м Международном генетическом конгрессе, проходившем в Москве в 1978 году, представленные И.Н. Голубовской результаты вызвали живой интерес у зарубежных исследователей, и в первую очередь у известных генетиков кукурузы из США Э.Коэ, М. Фриллинга, В. Шеридана. Большой интерес к работам И.Н. Голубовской проявляли и лауреат Нобелевской премии Б. Мак-Клинтон. Личные качества Инны Никитичны как учёного явились основой для установления сотрудничества российских и американских исследователей, которое продолжилось и после перехода И.Н. Голубовской в 1986 году в ВИР им. Н.И. Вавилова и получило дальнейшее развитие после её переезда в Калифорнию (Беркли) и начала её работы в лаборатории З. Канде в 1999 году.

За годы работы в данной области И.Н. Голубовская впервые сформулировала концепцию генетического контроля мейоза и определила, по крайней мере, семь генетически контролируемых его этапов, по которым распределила все найденные к тому времени мейотические мутанты (меймутанты) у различных видов организмов, получила с помощью мутагенеза меймутанты у кукурузы, удвоив тем самым всю их мировую коллекцию. Это явилось мощным вкладом Инны Никитичны в науку и дало ей заслуженное мировое признание.

Мы являемся свидетелями неистощимой энергии И.Н. Голубовской, её трудолюбия, способности своими руками делать любую работу как в поле, так и в лаборатории. К ней всегда можно обратиться за советом и помощью, она всегда открыта для общения и обсуждения любой проблемы. Именно это притягивает к ней людей, и мы гордимся тем, что имеем счастье общаться с Инной Никитичной. Мы желаем Инне Никитичне крепкого здоровья, счастья и радости в жизни, творческого вдохновения и успехов в достижении намеченных целей.

Е.В. Левитес, С.И. Малецкий, Е.И. Малецкая, сотрудники ИЦиГ